25/08/2019

ИСТОРИЯ РОСТОВСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА В ЛИЦАХ

К 100-летнему юбилею Ростовской епархии
Это частные истории, которые, по большому счету, имеют ценность для того, кто вспоминает, но, возможно, они заинтересуют и тех, кто знал наших героев…

Человек многогранен, состоит из добродетелей и недостатков, потому при описании существует опасность увлечься и рассказать о человеке излишне плохо или слишком слащаво. Сегодня о плохих сторонах ушедших людей пишут многие и в достаточно больших объемах. Мне кажется, есть потребность вспомнить людей Церкви, которые влияли на молодое поколение ребят, робко и с замиранием сердца приходивших к стенам храмов и обителей. Показать их такими, какими мы их видели. Конечно, взгляд каждого из нас субъективен, кто-то видит в человеке только одну сторону, которую удалось разглядеть. Пусть эти образы и личности предстанут в авторском видении, но обещаю попытаться передать их характеры,

отличительные качества.

О людях, которые служили в Церкви, не будут написаны книги и не будут сняты фильмы. Даже фотоматериалов с их изображениями крайне мало. Вот поэтому возникла идея вспомнить имена хотя бы немногих – и вместе с этим попытаться снова пережить встречу с ними. Ведь они – юность нашего поколения, они помогали нашему церковному формированию, мы принимали от них эстафету служения и опыт.

Диаконский мир – мир особый. О диаконах много написано в классической литературе, их образы можно увидеть в живописных произведениях, особенно яркие типажи отражены у русских передвижников. О знаменитых архидиаконах и протодиаконах ходили легенды и захватывающие истории.

Сегодня диакон – это, скорее, переходная степень к священству, но все же, к счастью, встречаются яркие представители, которые захватывают внимание голосом, музыкальными данными, манерой служения, всей своей фактурой.

Протодиакон Иоанн Царюк

Хороший соборный протодиакон всегда был предметом гордости архиерея и украшением богослужения, и это как раз таки относится к отцу Иоанну. Не помню, чтобы когда-либо его назвал кто-то стариком, хотя наше поколение застало его достаточно пожилым человеком. Высокий, с большой грудной

клеткой, немного недовольный вид – часть его образа. Вся его стать, движение и манеры говорили, что он один из главных участников церковных торжеств и богослужений. Его можно отнести к плеяде старого духовенства, а это значит, что даже в обычной жизни, в светском костюме в нем безошибочно угадывался интеллигент. Аккуратно подстрижены усы и небольшая бородка, до блеска начищены туфли, аккуратный костюм и непременно шляпа. Для полного образа, к примеру, чеховского героя не хватало протодиакону трости и пенсне, но он их не носил. В нем было все органично и складно, что, несомненно, привлекало к нему людей.

К слову сказать, в соборных храмах у ряда священников, как, впрочем, и раньше, так и сейчас, были свои почитатели. У протодиакона тоже была группа прихожан, которые его опекали и были верными почитателями его таланта. А талант был большой, он обладал голосом, который с возрастом не слабел, и идеальным слухом.

Особенностью его была обидчивость, поэтому, общаясь с ним, необходимо было хорошо подумать, прежде чем что-либо сказать. Но даже такая детская обидчивость и чувство превосходства совсем его не портили, а наоборот, вписывались в его многосложный образ. Те молодые диаконы и священники, которые проходили практику в соборе под неусыпным оком протодиакона, получили немало полезного.

Новый человек, попадая в алтарь, не мог миновать знакомства с отцом

Иоанном, которое начиналось с опросника. Конечно, вопросы задавались не по Марселю Прусту. Он как бы невзначай делал несколько шагов боком при приближении к объекту, для привлечения внимания ему требовалось слегка кашлянуть басом, и далее шло знакомство. Сколько лет, откуда родом, где учишься или работаешь, каким голосом поешь, басом или тенОром (ударение делал на букву «о» в слове «тенор»), и самый важный пункт: с кем из духовенства состоишь в родстве? Если собеседник проходил такой своеобразный блиц-экзамен, то можно считать, что знакомство состоялось, и в будущем можно было рассчитывать на его поддержку и расположение. Но бывали случаи, когда кто-то по неосторожности или невоспитанности говорил ему нелестное, и тогда таковой рисковал превратиться в соляной столп: абсолютное равнодушие, а если ты попадался на пути, то испепеляющий взгляд был обеспечен.

Безусловно, ему не было равных, да, собственно, никто и не дерзал претендовать на первенство, потому что он был такой один и неповторимый. Однажды в нашу епархию прибыл архиепископ Краснодарский и Кубанский Исидор (Кириченко). Кажется, это был престольный праздник нашего собора. Вместе со своим архиереем приехал его протодиакон Сергий. Он был молодой и такой же фактурный, как и его ростовский коллега. Единственное, в чем он уступал отцу Иоанну, так это в росте, но компенсировал этот недостаток широтой в плечах. Все в алтаре, включая самих архиереев, понимали, что предстоит служение двух тяжеловесов, как бой двух титанов. Наступил праздничный день. Началась литургия. Для меня, юноши, который ловил каждое слово и движение, особенно в такие праздничные дни, было все важно и интересно. А уж такую службу пропустить для меня было просто непростительно. Говоря о служащих вместе протодиаконах, могу сказать, что услышанное мной можно было сравнить с оленьим гоном. Оба протодиакона были великолепны. Отец Сергий обладал не менее густым басом. На выкличке и многолетиях, когда необходимы особые усилия, было видно, как их грудные клетки ходили, как меха в трубопрокатном литейном цехе. При этом за всей этой внешней стороной, в которой был, наверное, элемент соперничества и рисовки, несомненно, была глубокая церковность, работа над собой, любовь к богослужению и благоговение. Наш протодиакон никогда не приступал к богослужению без подготовки, хотя службу знал прекрасно.

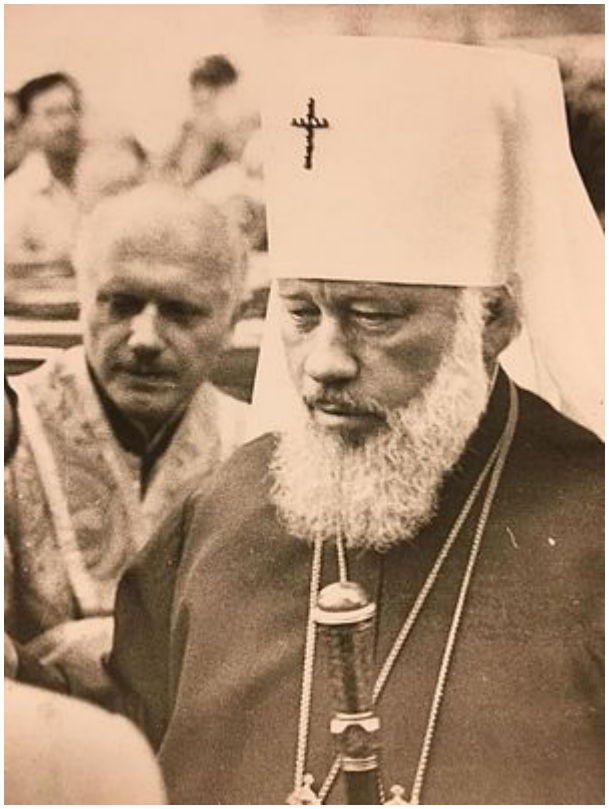
Он всегда заранее приходил в алтарь, не доверяя молодым, сам просматривал Евангельское чтение. Если случалось величание, то была обязательно краткая репетиция с поющими священниками.
Да, такие люди, как протодиакон, поистине украшают церковное богослужение. Важно, чтобы все соответствовало друг другу, как в сложном часовом механизме. Это сродни слаженной работе врачей, которые оперируют. Там есть ведущий хирург, есть анестезиолог, медсестры и много другого персонала. Важно, чтобы весь этот коллектив имел хороший уровень подготовки и квалификации, и от этого будет зависеть результат. В церковном служении также должны быть профессионалы, которые любят свой жизненный выбор. Период, который вспоминается мной, был обилен на таких людей. То было время особых людей, обладающих большим доверием народа.

Шли годы, время брало свое. Протодиакон старел, хотя мог бы еще служить, но изменения коснулись и его тоже. Однажды я навестил его, чему он, кажется, был рад. Когда я вошел внутрь, перед моим взором открылся маленький, но очень милый сад. Создалось впечатление, что ты попал в кукольный мир. Все было к месту, везде была видна его рука. Подвязан каждый кустик, камни и основания плодовых деревьев окрашены. В доме та же картина. Сразу вспоминается описание быта Собакевича в «Мертвых душах»: «…словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: "И я

тоже Собакевич!” или “И я тоже похож на Собакевича”». Так вот, в доме отца Иоанна все свидетельствовало о своем хозяине.

Я недолго погостил у него, мы тепло попрощались, как оказалось, уже навсегда. Уже будучи студентом семинарии, узнал о его смерти и похоронах, которые прошли, к сожалению, в какой-то спешке. Это, наверное, была единственная спешка, по независящим от него причинам, которая так была ему несвойственна.

Иеродиакон Зиновий (Щербина)
Прямая противоположность протодиакону. Они были всегда в первой диаконской паре. Глядя на него и отца протодиакона, мне думалось: Господь подбирает к совместному служению противоположные характеры. Если бы отец Зиновий имел хоть 20 процентов эмоциональных всплесков своего коллеги, то, думаю, они бы не просуществовали, так долго совершая свое служение. А так – их служение было обусловлено правилами, которые они оба принимали. Один доминировал и снисходил, другой подчинялся и по-монашески, со смирением принимал первенство и авторитет протодиакона. Отец иеродиакон был неотъемлемой частью собора. Не любил выделяться, не читал нотации, и если позволял о чем-либо сообщить в качестве вразумления, то делал это иносказательно, с улыбкой. Потому даже его тихий укор не воспринимался как оскорбительный.
Он был постриженником Глинских старцев. Когда удалось увидеть фото, где были изображены старцы, среди которых был и Зиновий, то создалось впечатление, что внешне они похожи друг на друга. Было нечто общее, что их объединяло – особый монашеский дух, аскеза и традиции, присущие Глинским выходцам.

Как и все священнослужители того времени, он был чрезвычайно ответственным и исполнительным. Встретив его на улице в повседневной жизни, можно было подумать, что его случайно сюда занесла машина времени из периода НЭПа. Ведь так никто больше не одевался. Помню, как непросто ему давались длительные архиерейские службы. Он страдал диабетом, ему постоянно хотелось пить, а пить он мог только после окончания литургии.

Мне нравилось слушать его незатейливые рассказы, воспоминания и истории из жизни подвижников. Одно осложняло с ним общение – его манера говорить тихо, как будто в бороду. Хотя это отчасти создавало впечатление таинственности. К концу своей жизни отец Зиновий принял великую схиму с именем Захария. Но в памяти многих остался с тем именем, которое мы хорошо знали.

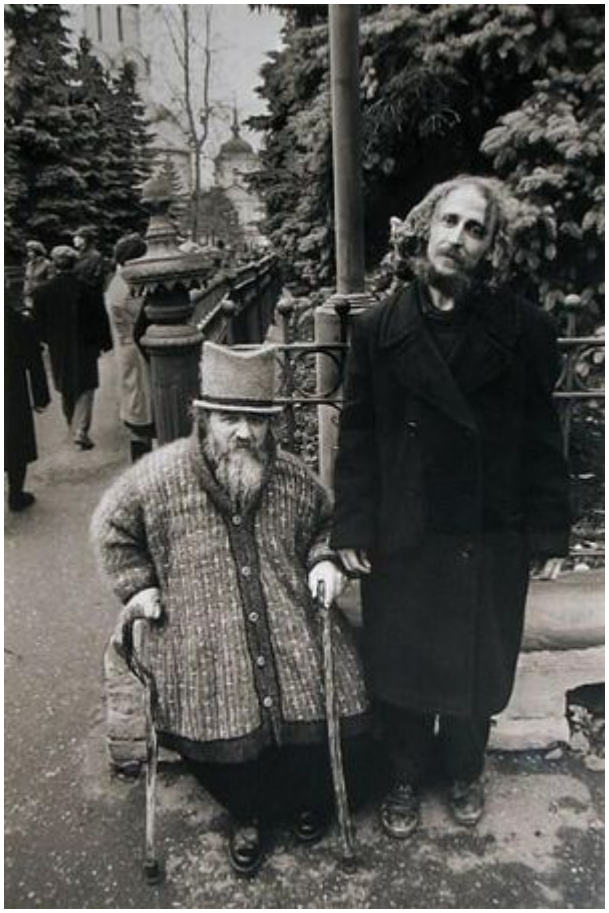
Диакон Владимир Дикарев

Не ошибусь, если буду утверждать, что нет в нашей епархии клирика, рукоположенного до нулевых годов, который не знал бы его. Мне даже кажется, что если бы отца Владимира не существовало, то лицо епархии было бы иным. Кажется, что он был всегда. Он помнил митрополита Вениамина (Федченкова), он был иподиаконом у тех архиереев, которые захоронены ныне за алтарной стеной Кафедрального собора. Диакон, который всегда служил первым иподиаконом ростовских святителей, был

неотъемлемой частью богослужения.

Меня, как и других молодых людей, встававших на путь иподиаконского послушания, жизнь свела с ним. Отношения с отцом Владимиром у нас складывались по-разному, но, безусловно, общение с ним было опытом, который в жизни бывает весьма востребован. Сказать, что он был «человеком обязательным» – ничего не сказать. Иногда эта «обязательность» принимала довольно странные формы, но с этим приходилось смиряться и принимать как данность.

Помню одну из многих совместных поездок… Архиерей ехал служить на север области. Служба была назначена на 9 утра. От Ростова ехать часа два с половиной. Вставать нужно было рано, и мы рассчитывали выехать пораньше, около 5-ти. Но судьба распорядилась иначе, и отец Владимир решил ехать в половине третьего ночи. Никакие мольбы водителя и наши не смогли убедить диакона; его железным аргументом было: «Мало ли что может по дороге случиться!..» И вот это самое «мало ли что» в этот раз таки случилось. Был гололед и снежная каша, и наша «Волга» попала в яму, заполненную ледяной водой. Выехать не удалось, и протодиакон изрек свежую идею: всем выходить из авто и толкать. Естественно, под «всеми» он подразумевал всех, кроме себя и водителя. Толкали с комсомольским задором, меня поставили толкать сзади. Отец Владимир, закутавшись, как пленный наполеоновский солдат, из страха простуды, пристроился сбоку. Остальные – по бортам. Я был в подряснике и в легких туфлях. Основная масса толкателей были молоды, потому и вытолкнуть авто не составило труда. Машина выскочила из глубокой ледяной лужи, а я, толкавший сзади, по пояс оказался в ней. По дороге мы слушали рассказы отца Владимира о том, как вредно для здоровья переохлаждаться. На удивление, я не заболел. Наверное, молодой организм сумел справиться сам.

Еще отца Владимира отличала суетливость и склонность к панике, особенно если что-то начинало идти не так, как он предполагал. Кто бывал с ним, тот хорошо знает, что такое «покрышки». Это сшитые накидки на подносы, которые необходимы на богослужении. Так вот, любая поездка на приход – это скрупулезные сборы. В чемоданы кладется все, что может пригодиться на архиерейской службе. В том числе «покрышки». После богослужения, по традиции, все шли к столу. Ну, а после стола всегда сложно сосредоточиться и в хаосе вещей собрать чемодан так же, как и было. Иногда, возвращаясь в собор и распаковываясь, отец Владимир находил недостачу. Часто забывали эти самые «покрышки». Он неистовствовал, ну а мы испытывали чувство вины, словно предали Родину. После долгого разбирательства он успокаивался, звонил настоятелю храма, где были забыты вещи, и их благополучно доставляли через несколько дней.

Одной из особенностей иподиаконского состава того периода было общение во время службы между собой посредством «особого языка». Окликать кого-то по имени и что-либо объяснять было не принято. Не знаю, кем и когда был изобретен язык иподиаконов, но пользовались мы им постоянно. Со стороны людям было незаметно, а если и заметно, то непонятно, что за птичьи звуки мы извлекали из себя. Это был хоть и примитивный, но язык. Чтобы привлечь

внимание отвлекшегося, отец Владимир сначала тихо произносил: «Тссс». Если его не слышали, то «Тсссссссс» было громче. Потом – почти неистово. И когда взгляды встречались, то в ход шла богатейшая мимика, которая могла бы, наверное, устрашить любого.

Несмотря на свой возраст, отец диакон был виртуозом в раскладывании орлецов. Иногда он их раскладывал непосредственно перед архиереем, совершающим каждение, с мастерством и такой ловкостью, которая не позволяла ему попасть на ноги. Потом, конечно же, был разнос с иподиаконским составом за то, что прозевали вовремя расстелить орлецы, и он, рискуя собой, должен был решать эту проблему.

С благодарностью отцу Владимиру вспоминаю время моей иподиаконской юности, хотя, повторю, во взаимоотношениях с ним не все было безоблачно, но школа, к которой я был причастен, оказалась весьма полезной. Позднее я узнал причину его нервного состояния. У них с супругой Алевтиной был сын Сергей. Он был нездоров психически. Будучи буйным, он доставлял родителям массу сложностей. Потому для них светом в окне было пребывание в храме. Теперь я думаю, что ежедневное раннее прибытие отца Владимира в храм задолго до литургии позволяло ему немного прийти в себя от эмоционального стресса, в котором он жил, сосредоточиться на предстоящем богослужении.

С его уходом из жизни закончилась эпоха бессменного старшего иподиакона, школу которого прошли многие поколения нашего духовенства.

Схиархимандрит Михаил (Михаил Культяпка)
Случалось ли вам общаться с людьми не от мира сего? Нет, не с теми, кто и по сей день пытается казаться тем, кем не является. Таких много… А с тем, кого в старину называли «странниками», «юродивыми»…

Такого человека мне посчастливилось встретить в своей жизни. Впервые встретив его, кроме страха, я не испытал ничего. Итак, по порядку.
Все началось с похода в воскресный день на рынок, куда меня регулярно брала бабушка. Хоть я был маленьким, но сумку – а то и две – мне приходилось нести за бабушкой, которая с ловкостью ледокола прочесывала ряды с базарными товарами и пререкалась с продавцами.

Эта повинность была неминуема и занимала очень много времени. Рынок, как и сейчас, располагался на Соборной площади.

Кафедральный собор с покрашенными зеленой краской куполами всегда

меня привлекал. Но в семье никто туда не ходил, поэтому попасть внутрь не представлялось возможным. И вот однажды, в один из походов на рынок, бабушка принимает волевое решение зайти в храм. Когда она вслух сообщила о предстоящем посещении, я усомнился в том, что с ней все в порядке. Аргументом стало: «Надо поставить свечи, чтобы у бабушки ноги не болели и чтобы все было хорошо!» Это была волнительная минута, так как церковное пространство мной еще не было изведано, но тяга к исследованию оного была велика.
В притворе мне были вручены свечи, которые я должен был поставить Божией Матери, Николаю Угоднику и Пантелеимону Целителю. Также было изложено, что я должен был попросить у святых, так как детская молитва – особо действенная. С бабушкиным заданием я вступил в собор. Трудно передать ощущения, которые тебя захватывают в такие моменты основательно, целиком. Все мои рецепторы – обонятельные, слуховые, зрительные – были напряжены до предела. Итак, будущий пионер был всецело пленен храмом…

Это была воскресная литургия, народу было много. Через головы старушек мне удалось разглядеть сидящего в кресле пожилого человека в «короне» (митре). Я даже не успел спросить бабушку, как она сама сообщила мне, что это «главный поп». И да, как оказалось, это действительно был архиепископ Иоасаф (Овсянников).

Потом, помню, мы продвигались вглубь к подсвечникам, и вдруг… О Боже! Мы наткнулись на того, кто в снах потом мне являлся еще очень долгое время. Это был гном, или карлик, а может, и то и другое. Он сидел на складном стуле в одежде до пола. Огромная борода и взгляд, от которого можно ненадолго потерять способность говорить.

Потом все начали петь «Верую», и тут – запел он. Он пел невероятно эмоционально, громко, басом, при этом выкатывал глаза и широко крестился. Надо сказать, что чувства сковавшего меня страха и вместе с этим любопытства не давали мне отвести от него взгляд.

Бабушка вывела меня из оцепенения, одернув, так как надо было идти. Но «карлик» нас остановил и сказал, что ходить сейчас нельзя. Его «нельзя» для моей бабушки было несущественным, и мы продолжили продвигаться. Его обращение к нам мне казалось чем-то из ряда вон выходящим, будто оживший сказочный герой покинул свой вымышленный мир, чтобы что-то важное нам сообщить.

Потом, помню, долго вспоминал этого человека, и бабушка сказала, что для впечатлительного ребенка подобные походы в церковь не нужны.

Это было мое первое впечатление от знакомства с отцом Михаилом.

Спустя годы я стал прихожанином собора, затем меня пригласили в алтарь. Там было средоточие моей жизни. Первые послушания, начиная с уборки, воспринимались как особый дар. Но самым «интересным» и «познавательным» в это время были люди! Они были разными. Кто-то был эмоциональным, кто-то – флегматичным, с разными характерами и представлениями о жизни. Но всех их объединяла Церковь и наш Ростовский собор.

Вот здесь-то, в алтаре Ростовского кафедрального собора, мне и довелось вновь встретить отца Михаила. Он уже не вызывал во мне трепета и ужаса. К нему у меня сформировались два чувства: глубокого почтения и интереса. Бывал в алтаре он нечасто, так как много ездил по монастырям и храмам. Как правило, бывал на богослужениях, которые возглавлял митрополит Владимир (Сабодан). У них были очень добрые взаимоотношения. Часто после службы владыка приглашал отца Михаила в свое авто, и они ехали домой к архиерею

на трапезу. Кажется, что его тогда знали все в нашей Русской Церкви…

Так вот, появление в алтаре отца Михаила всегда привлекало внимание. Он входил в алтарь в своей черной бархатной рясе с нашитыми на нее огромными пуговицами, как у Пьеро из сказки. А вместе с ним в алтарь громко врывался аромат розового масла «Болгарская роза». В то время это масло было дефицитным, но у отца Михаила его было, видимо, запасено немало, и он обильно умащал себя им.

На службах он также активно выходил читать Апостол. Это было действо, которое приковывало всеобщее внимание. Он выходил из алтаря вразвалку, буквально перекатываясь, высоко держа книгу. Начинал чтение «с низов», явно получая сам удовольствие от того, как читает. После чтения интересовался произведенным им эффектом. Он был, наверное, одним из немногих, кто мог со свойственным ему юродством говорить «ты» соборному архидиакону Иоанну, что выводило отца Иоанна из себя. Но их словесная перепалка не выходила за пределы допустимого. Вслед уходящему протодиакону отец Михаил мог прогудеть басом какую-то фразу, но отец Иоанн не обращал внимания, проходя гордо, не удостаивая его вниманием.

Периодически Михаил «Культяпка» путешествовал по святым местам необъятного Союза.

Хорошо помню день, когда мы узнали о смерти Святейшего Патриарха Пимена. В моем представлении он был вечен, как и Генеральный секретарь ЦК КПСС. Но увы!.. Хотя все понимали, что Патриарх болен, мысль о том, что он умрет, не проскальзывала в моем подростковом сознании. Смерть Патриарха особо болезненно коснулась нашего собора, ведь были живы прихожане, которые помнили его по служению в Ростове. К слову сказать, некоторые держали с ним связь почти до его смерти. Наши прихожанки показывали письма, адресованные им и написанные его рукой. Он периодически передавал им гостинцы через владыку Владимира (Сабодана) с просьбой молиться о нем. Это было особое время чуткого и доверительного общения.

Возвращаясь к дням смерти Патриарха, могу сказать, что ощущалось всеми верующими ожидание чего-то масштабного и очень важного. Должно было состояться избрание на вдовствующий престол нашей Церкви. И, естественно, все, начиная от настоятеля нашего собора и заканчивая свечницами, надеялись увидеть Патриархом нашего владыку. Но Бог определил иначе: был избран митрополит Ленинградский Алексий.

Но вернемся к нашему отцу Михаилу. Где он был в эти судьбоносные для Церкви дни? Конечно, в самом центре событий! Как рассказывали, он был в лавре. После избрания Патриарха была трапеза для участников Собора. Вот во время этой трапезы отец Михаил и скончался.

Началась долгая история с его погребением. Духовные чада решили везти тело в Псково-Печерский монастырь, чтобы захоронить в пещерах. Но сделать им не удалось так, как запланировали. Через время (около недели прошло) его привезли в Ростов, где его и отпел отец Олег Добринский в Преображенском приделе Кафедрального собора. На отпевании было немного людей. Так вот тихо-тихо ушел странник в последний свой путь, в финальный пункт назначения – в вечность…
pravoslavie.ru